

Научная статья

УДК 930

<https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-4-62-74>

Повседневность компромисса, или Как историк С. С. Дмитриев так и не стал доктором наук

Михаил Александрович Базанов

Объединенный государственный архив Челябинской области, Челябинск, Россия, bazanov.86@mail.ru

Аннотация. На фоне развернувшегося в последние несколько лет активного издания источников личного происхождения (воспоминания, дневники, переписка), принадлежащих перу крупных советских историков, вне должного (как полагает автор статьи) внимания историографов осталась публикация дневников профессора Московского государственного университета Сергея Сергеевича Дмитриева. Тем не менее это издание отличается среди них своим объемом, полнотой публикуемых материалов, обилием содержащихся в нем сведений о повседневной жизни советских историков, тщательностью научно-справочного аппарата к нему. В данной статье автор поставил своей целью дать предварительную оценку эвристического потенциала дневников С. С. Дмитриева. Потребность в автофиксации событий своей жизни у историка выработалась еще в юности и затем превратилась в одну из важных деталей его поведения в быту, которой он уделял немало сил и внимания. Записи свидетельствуют о том, что С. С. Дмитриев оставался глубоко чужд как официальной советской идеологии, марксистско-ленинскому представлению об историческом процессе, так и материалистической философии как таковой, предпочитая им интеллектуальные построения философов-славянофилов (которые преимущественно и находились в центре его исследовательских интересов). Свою научную работу он воспринимал крайне прагматично, видя в ней способ поддержания высокого социального статуса и получения соответствующих ему материально-финансовых благ. Тяготясь невозможностью открыто декламировать свои убеждения, историк часто обращался к таким видам деятельности, которые не предполагали полной творческой реализации (чтение учебных курсов, рецензирование рукописей и диссертаций, редактирование и публикация чужих текстов). В результате этого его собственная публикационная активность затухает. Интенсивная культурная жизнь (посещение спектаклей, выставок, чтение художественной литературы), равно как и само создание дневниковых записей, позволяли ученому отвлекаться от проблем с реализацией своего творческого потенциала и одновременно лишь усугубляли создавшееся положение. С. С. Дмитриев так и не смог за свою жизнь не только создать фундаментального исследования, которое бы вывело его в число ведущих советских историков, но даже написать и защитить докторскую диссертацию. Однако при всей уникальности его фигуры и талантов полагаем, что подобные проблемы испытывали многие из его коллег, что позволяет судить о его творческой биографии как своего рода типичной для среды советских историков.

Ключевые слова: советская историография, Сергей Сергеевич Дмитриев, источник личного происхождения, дневник, археография, марксизм, материализм, славянофилы, самореализация, цензура, репрессии, идеология

Для цитирования: Базанов М. А. Повседневность компромисса, или Как историк С. С. Дмитриев так и не стал доктором наук // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2025. Т. 10, вып. 4. С. 62–74.* URL: <https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/44-magistra-vitae-4-2025.html> <https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-4-62-74>

Scientific article

<https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-4-62-74>

The Routine of Compromise, or How Historian S. S. Dmitriev Never Became a Doctor of Sciences

Mikhail A. Bazanov

United State Archives of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russian Federation, bazanov.86@mail.ru

Abstract. Today we can see active publication of personal origin sources (memoirs, diaries, correspondence) written by major Soviet historians, and historiographers do not pay proper attention to the diaries of Professor Sergei Sergeyevich Dmitriev of Moscow State University (as the author of this article believes). However, the diaries are distinguished among them by the volume, the complete character of the materials, the abundance of information it contains about the daily life of Soviet historians, and the thoroughness of its scientific reference apparatus. This article aims to provide a preliminary assessment of the heuristic potential of S. S. Dmitriev's diaries. The historian developed the need for autofixation of life his events in his youth and then turned it into important behavior in everyday life, to which he paid much effort and attention. The records show that S. S. Dmitriev remained deeply alien to both the official Soviet ideology, the Marxist-Leninist view of the historical process, and materialist philosophy, preferring them to the intellectual constructs of the Slavophile philosophers (who were predominantly at the center of his research interests). He perceived his scientific work as extremely pragmatic, seeing it as a way of maintaining a high social status and obtaining material and financial benefits. Struggling with the impossible open reciting of his beliefs, the historian often turned to activities that did not imply full creative realization (reading courses, reviewing manuscripts and dissertations, editing and publishing other people's texts). As a result, his own publication activity faded. Intensive cultural life (visiting plays, exhibitions, reading fiction), as well as the very writing of diary entries allowed the scientist to distract himself from the problems of his creative potential realization and at the same time only aggravated the situation. During his lifetime S. S. Dmitriev did not manage to create a fundamental study that would place him among the leading Soviet historians, but even to write and defend a doctoral dissertation. However, taking into account the uniqueness of his figure and talents, we believe that many of his colleagues experienced similar problems, which allows us to assess his creative biography as a kind of typical one for Soviet historians.

Keywords: Soviet historiography, Sergei Sergeyevich Dmitriev, source of personal origin, diary, archaeography, Marxism, materialism, Slavophiles, self-realization, censorship, repression, ideology

For citation: Bazanov MA. The Routine of Compromise, or How Historian S. S. Dmitriev Never Became a Doctor of Sciences. *Magistra Vitae. Electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2025;10(4):62-74. (In Russ.). URL: <https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/44-magistra-vitae-4-2025.html> <https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-4-62-74>

Введение: о дневнике

Последние несколько лет в отечественной истории исторической науки отмечены многочисленными изданиями источников личного происхождения, связанных с жизнью и работой крупных советских историков¹. Полагаем, можно даже го-

ворить об определенной диспропорции в археографической деятельности историографов, оставивших без должного внимания другие, не менее информативные виды источников (протокольная документация, деловая переписка, отчеты, докладные записки). Впрочем, в данном случае не станем погружаться в дискуссии, так как вопрос этот потребует отдельной статьи.

¹ См., напр.: Переписка Н. М. и Е. И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями / сост. В. Г. Бухерт. М., 2018; Б. Д. Греков. Письма (1905–1952 гг.) / сост. В. Г. Бухерт. М., 2019; Цаплин В. В. «Я могу считать себя счастливым человеком...». Дневники (1977–1990 гг.) / отв. ред. Е. А. Тюрина; отв. сост. М. М. Альбман; сост. Е. Н. Аксенова, А. Г. Черешня. М., 2019; Академик М. В. Нечкина. Из творческого наследия / сост. В. Г. Бухерт. М.; СПб., 2021; «Ты идешь в храм науки...»: интервью и воспоминания сотрудников Института российской истории РАН. К 85-летию ИРИ РАН / авт.-сост. В. Н. Круглов, В. В. Тихонов, Ю. С. Филина. М., 2021; Янин В. Л. О себе и о других. М.; СПб., 2021; Академик М. Н. Тихомиров: Воспоми-

нения. Дневники. Переписка с учениками / авт.-сост. А. В. Мельников, Н. А. Комочев, В. В. Тихонов. М.; СПб., 2022; Покровский Н. Н. Письма и воспоминания / отв. ред. Н. П. Магханова, Л. В. Титова. СПб., 2022; Клибанов А. И. Кровь событий: Письма к жене. 1932–1954 / сост. Е. В. Воронцова. М., 2024; «Будем надеяться на всё лучшее...: Из эпистолярного наследия Д. С. Лихачева: 1938–1999» / под науч. рук. С. О. Шмидта; сост., коммент. Е. В. Бронниковой, Т. Л. Латыповой, Е. Ю. Филькиной. М., 2024; А. Л. Сидоров. Научно-документальное наследие: воспоминания, переписка / сост. В. Г. Бухерт. М., 2025.

На фоне гигантской массы изданий оказалась несколько затеряна предпринятая Е. Н. Мухиной, И. Н. Мухиной, Л. С. Новоселовой и Л. И. Смирновой в рамках «Трудов исторического факультета МГУ» публикация дневников Сергея Сергеевича Дмитриева², поражающая своей фундированностью и информационной насыщенностью. Первые два тома издания занимает непосредственно сам текст дневника (их общий объем составил 2 672 страницы), третий том содержит переписку историка и его жены (574 страницы), весь четвертый том был отдан археографами под аннотированный именной указатель к публикуемым текстам (916 страниц). Уже одно упоминание объемов источника, полагаем, может внушить уважение к проделанной работе.

Стоит отметить, что это уже не первое издание дневника. В 1999–2001 гг. часть записей увидела свет на страницах журнала «Отечественная история»³. Уже тогда этот текст вызвал неподдельный интерес у читателей. Однако опубликована на тот момент была меньшая часть записей (по словам занимавшейся изданием Р. Г. Эймонтовой, расшифровать удалось только треть дневниковых записей). Кроме того, обнаружив, насколько разнородна содержащаяся в нем информация, публикатор «отсекла» всё, что показалось ей малозначимым вместе со сведениями так называемого личного характера. Сейчас же перед нами наконец-то предстал уже полный текст источника.

Новое издание, впрочем, тоже содержит ряд опущенных фрагментов. Согласно Е. Н. Мухиной, это было сделано для «пометок, имеющих сугубо интимный характер» (т. 1, с. 6). Все эти

изъятия в полном соответствии с общепринятыми правилами публикации документов обозначены посредством отточий, заключенных в квадратные скобки. Всего автор данной статьи насчитал 39 таких фрагментов (т. 1, с. 55, 141, 142, 143, 145, 146, 207, 354, 286, 287, 313, 399, 567, 1185, 1343; т. 2, с. 256, 289, 304, 341, 342, 401, 405, 457, 521, 536). Учитывая общий объем публикуемого источника, это количество может считаться малозначительным. Несмотря на наличие подобных опущенных фрагментов, дневник пестрит откровенными признаниями автора, упоминается о его мыслях, устремлениях и поступках, не согласующихся с этическими установками советского (да и современного) общества.

Отдельно требуется отметить еще один важный аспект издания. Источники, вводимые в оборот, на настоящий момент находятся у родственников С. С. Дмитриева (следует, конечно, поблагодарить этих людей за оказанное ими археографам доверие, в настоящее время такая линия поведения, увы, редка). Материалы не передавались на государственное хранение и, соответственно, были доступны лишь для тех, кто имел возможность связаться с родственниками историка. Хочется, конечно, верить, что рано или поздно личный фонд историка станет украшением одного из федеральных архивов.

Текст издания и состояние научно-справочного аппарата возражений не вызывают. Автор данной статьи не отметил каких-либо явных, бросающихся в глаза отступлений от общепринятых правил публикации исторических источников, нашедших свое отражение в «Правилах публикации исторических документов в СССР» (1990) и современных «Методических рекомендациях по публикации архивных документов в печатном виде» (2022). Археографы раскрыли без оговорок некоторые из употребляемых С. С. Дмитриевым сокращений, однако лишь в тех случаях, когда они не подразумевали возможности различных толкований. Во всём остальном текст дан в соответствии с документом. В качестве приложений после завершения каждой из тетрадей даются документы, приложенные автором к дневниковым записям (за исключением газетных статей). В комментариях отмечались газетные вырезки, собранные историком, зафиксированы сделанные в дневнике правки, отметки, подчеркивания, фразы, вписанные в основной текст красными и зелеными чернилами. Оговаривалось начало и конец каждой из тетрадей, в которых велся дневник. Несмотря на большой объем рукописного материала

² См.: Дмитриев С. С. Дневники : в 4 т. СПб., 2023. Т. 1. 1941–1960 / подг. текста Е. Н. Мухиной, Л. С. Новоселовой, Л. И. Смирновой ; коммент. Е. Н. Мухиной, И. Н. Мухина ; вступ. ст. Е. Н. Мухиной; Он же. Дневники : в 4 т. Т. 2. 1961–1991 / подг. текста Е. Н. Мухиной, Л. С. Новоселовой, Л. И. Смирновой ; коммент. Е. Н. Мухиной, И. Н. Мухина ; вступ. ст. Е. Н. Мухиной ; Он же. Дневники: в 4 т. Т. 3. Письма / подг. текста, вступ. ст. Е. Н. Мухиной. СПб., 2023; Он же. Дневники : в 4 т. Т. 4. Аннотированный именной указатель к дневникам / подг. текста именной указателя Е. Н. Мухиной, И. Н. Мухина. СПб., 2023. В дальнейшем все ссылки на данное издание для удобства читателей будут приводиться непосредственно в тексте статьи в круглых скобках с указанием тома и страницы.

³ См.: Из дневников С. С. Дмитриева / публ. подг. Р. Г. Эймонтовой // Отечественная история. 1999. № 3. 142–169; № 4. С. 113–128; № 5. С. 135–153; № 6. С. 117–135; 2000. № 1. С. 158–172; № 2. С. 142–153; № 3. С. 151–164; 2001. № 1. С. 154–168.

ла, заметно небольшое количество слов или фраз, которые не удалось расшифровать в силу почерка или иных палеографических особенностей документа. Так, в первом томе слово «неразборчиво» появляется всего лишь 20 раз (т. 1, с. 57, 72, 91, 95, 137, 150, 206, 230, 258, 313, 327, 331, 342, 441, 651, 1017, 1367).

Кстати, одним из небольших недостатков издания является отсутствие иллюстративного ряда, в котором логично смотрелись бы образцы публикуемого источника, что дало бы представление о том, насколько трудно было работать с почерком автора дневника. К месту пришли бы и фотопортреты С. С. Дмитриева, членов его семьи, учеников, мест, с которыми он был связан (интерьеры его квартиры, здания учебных заведений, где он преподавал, и их внутренний интерьер, возможно, даже фотографии спектаклей и выставок, которые ученый так любил посещать). Впрочем, это уже малозначительная подробность, не влияющая на общий потенциал издания.

К сожалению, историографы до сих пор не откликнулись на введение в оборот столь ценного массива материалов. Исключением стал лишь Д. П. Исаев, в одной из своих статей рассматривавший дневник в качестве источника для изучения повседневной жизни советского историка [Исаев, 2024]. Автор данной статьи полагает необходимым также высказать свое мнение о возможном эвристическом потенциале рассматриваемого источника, на примере собственного анализа продемонстрировав, что он может дать для понимания особенностей жизни советских историков. При этом он, увы, будет вынужден исключить из поля своего зрения опубликованную вместе с дневниками переписку семейства Дмитриевых в силу необходимости ограничить объем данной статьи.

Кому, для чего, что и как: рефлексии дайариста

Судя по всему, привычка к автофиксации обстоятельств своей жизни, мыслей и эмоций выработалась у С. С. Дмитриева еще в юношеском возрасте. Во всяком случае, в январе 1959 г., рассуждая на тему дневника как жанра исторической литературы, он отмечал: «Сам с мальчишества, лет с 18-ти, вел дневниковые записи. Многие потерял (едва ли не две тетради за 1925–1931 гг. при переезде из Иванова в Кусково), некоторые сжёг» (т. 1, с. 1116). Увы, опубликованные записи берут начало с 1941 г. Всё, относящееся к более ранне-

му периоду, по словам археографов, обнаружено не было.

С. С. Дмитриев неоднократно заявлял и о своем намерении написать мемуары, даже составил их развернутый план (т. 1, с. 90–97; т. 2, с. 633–641). Помимо того он предпринимал и некоторые усилия по формированию своего личного архива: приводил в порядок личную переписку, перепечатывал на машинке рукописные воспоминания отца, делал описи имеющихся у него документов (т. 1, с. 1064, 1066–1067, 1256; т. 2, с. 37–39, 964–965).

Наконец, он не только лично вел записи, но и мотивировал вести их окружающих. Так, историк с гордостью сообщал о том, что побудил отца написать воспоминания, при этом не стесняясь оказывать на него психологическое давление⁴. Другим объектом «мемуарных» инициатив стала его коллега Е. Н. Кушева (1899–1990) (Т. 2, с. 927, 936, 1148). Последняя была уже слепа и надиктовала свой текст присланной к ней на дом ученице С. С. Дмитриева Л. П. Дойниковой. Историк был первым их читателем, причем придирчивым: на получившиеся 80 страниц воспоминаний он составил 10–12 страниц с просьбами об уточнениях, более обстоятельном освещении тех или иных эпизодов ее биографии.

Однако при такой активной и продолжительной практике фиксации своей жизни обращает внимание относительно слабая рефлексия С. С. Дмитриева о ее целеполагании и особенностях.

Временами историк задавался вопросами об адресате этих рукописей, но делал это как-то вскользь, без каких-то определенных выводов. Так, в цитировавшейся выше записи 1959 г., рассуждая о дневнике как «особом виде писательства» (речь шла о дневниках Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. М. Пришвина), он затем проговаривал: «Вот пишу уже 15-ю тетрадь за это десятилетие. Графомания? Привычка? Зачем пишу? Для кого? Трудно ответить. Всё представляется, что наступит время, и я буду таким, что только и останется что “итоги подводить”. Тогда стану писать воспоминания. И дневники мне пригодятся» (Т. 1, с. 1116). Чуть позднее он отмечал, что наличие дневника позволяет его автору посмотреть на самого себя в прошлом, понять, что именно в нем и как изменилось.

⁴ «Принялся он за писание воспоминаний неохотно, под большим давлением с моей стороны. Я, можно сказать, приставал к нему, нажимал на него» (т. 1, с. 1066).

Оба эти замечания исходят из того, что основным читателем дневника является его же создатель. Однако год спустя, сетуя на то, что записи его могут после смерти исчезнуть, историк задался вопросом, станет ли когда-либо читать их его сын (т. 1, с. 1282). В данном случае дневник уже мыслится в качестве части семейного, родового наследия, передающегося из поколения в поколение, как одного из каналов коммуникации родителей и детей. Однако по мере взросления сына отношения с ним С. С. Дмитриева ухудшались, не смог он выстроить и доверительных отношений с внуками. Конечно, эти обстоятельства вряд ли способствовали сформулированному им взгляду на адресата дневниковых записей. Возможно, сложившимися семейными отношениями и объясняется тот факт, что историк в итоге так и не смог сесть за написание мемуаров.

Уже значительно позже, в 1988 г., С. С. Дмитриев по просьбе С. О. Шмидта снял копии с дневниковых записей своей на тот момент уже покойной супруги с небольшими воспоминаниями об академике М. Н. Тихомирове (т. 2, с. 986). Логично было бы увидеть вслед за этим размышления ученого об информационном потенциале собственных записей для изучения истории исторической науки, но этого логического шага С. С. Дмитриев так и не сделал. И уж совсем курьезным выглядит зафиксированный им случай, когда дневник помог ему и Р. Г. Эймонтовой найти утерянную книгу (т. 2, с. 1100–1101).

Слабы и его рефлексии над формой и содержанием своих записей. Так, то он сетует на обилие некрологов (т. 2, с. 625), то сомневается в необходимости фиксации сплетен, слухов, правдивость которых не может проверить (и тут же отвечает себе: «Стоило ли такие словесные кружева и сплетни записывать? Может и не стоило, да записались, так пусть уж остаются. Всё-таки любопытно» [т. 2, с. 1260]), то укоряет себя за излишне откровенное и незстетичное описание процедуры колоноскопии (т. 2, с. 1169). В декабре 1982 г. историк принял решение все свои записи о здоровье и болезнях перенести из дневников в отдельную книгу (т. 2, с. 948), однако по прошествии некоторого времени источник вновь начинает пестрить сообщениями о приемах у врача и лечебных процедурах. Симптоматичен и другой случай: когда ему в голову пришла идея завести отдельную записную книгу для части своих отрывочных рассуждений и мыслей, С. С. Дмитриев признал это непрактичным и продолжил заполнять ими пространство дневника (т. 2, с. 1014).

При этом форма и содержание дневника претерпевали значительные изменения с течением времени. От коротких и частых заметок бытового характера он переходил к обстоятельным размышлениям на политико-идеологические темы, затем шли обрывочные и даже зашифрованные заметки, потом вновь обстоятельные тексты, в которых политические рассуждения уступают место быту... Оставалась неизменна лишь сама потребность в автофиксации своего состояния. Скорее всего, ведение дневника, несмотря на некоторые попытки автора придать ему прагматический оттенок, исполняло психотерапевтические функции. Со временем внесение туда записей превратилось в привычку, одно из тех действий, что позволяли ученому сохранять некоторое подобие стабильности в условиях ухудшающегося здоровья, нарастающего отчуждения от собственного семейства, ряда личных неурядиц и непрерывного внутреннего конфликта с окружающей его идеологической средой. В этом поиске «отдушины» от неблагоприятной внешней среды (в широком смысле этого слова) С. С. Дмитриев, полагаем, мало чем отличался от основной массы дайаристов, причем не только советских.

Стоит отметить, что историк относился к числу тех, кто задумывался о возможности попадания записей в чужие руки. Выше нами уже цитировались его слова о том, что часть их он собственноручно уничтожил, явно опасаясь политических преследований (см. также: Т. 1, с. 166). Некоторые из заметок носят зашифрованный характер, понять их можно, лишь зная некоторые детали биографии автора — но в данном случае, скорее, детали личной жизни скрывались от близких родственников.

Еще более любопытна реакция С. С. Дмитриева на известие о подготовке на Западе к изданию дневников известного историка Ю. В. Готье. Начинание это он отрекомендовал как «небезвредное» (т. 2, с. 750) для современной ему советской исторической науки, полагая, что многие из учеников академика (например, П. А. Зайончковский) могут «оказаться изгоями» (Там же). Опасения эти он высказал в октябре 1984 г., во время недолгого правления К. У. Черненко, после андроповских попыток усиления контроля за обществом. До избрания М. С. Горбачева генеральным секретарем оставалось около полугода. В январе 1989 г. иностранный коллега вручил С. С. Дмитриеву экземпляр этого издания на английском языке, и тот уже довольно легко отметил: «Ко-

нечно, нужно бы издать русский оригинал...» (т. 2, с. 1017).

Таким образом, несмотря на то, что С. С. Дмитриев вел заметки в первую очередь для себя, ждать от них полной откровенности не стоит. По всей видимости, определенные вещи он всё же предпочитал не озвучивать. Однако даже при этом текст С. С. Дмитриева полон суждений и мыслей, столь далеких от официальных идеологических норм, что он вполне мог лечь в основу уголовного преследования, не говоря о прочих негативных последствиях его обнаружения посторонними лицами.

Историософия «для себя»: марксизм, позитивизм и социалистический строй

В условиях жесточайшей цензуры и принудительного насаждения одной-единственной методологии подобные эго-документы, создаваемые не для публичного использования, являются одними из немногих возможностей уточнить истинные методологические воззрения историка. Дневники С. С. Дмитриева дают немало материалов для такого анализа.

Ученый нигде не пытался представить свои историософские взгляды в виде четко сформулированной системы, но всё сказанное им свидетельствует о том, что не только марксизм, но и просто материалистический взгляд на окружающий мир не отвечал его мировосприятию. Идеалом его были славянофилы, которые «признавали и утверждали душу живую», «и сознательно признав, твердо убежденные “построили” мир от души и на душе». Им противопоставлялись сторонники «всякой материи», решившие строить свой мир «с одной, видимой и ногами осязаемой, почвой внизу». Итогом того, писал историк, стал союз «убогого позитивизма» и политики, который «с успехом заменил всякую философию», предельно примитивизировал людей, общество и утвердил правило «Думайте, как приказано и позволено думать!» (т. 1, с. 86).

Приводимые выше суждения датированы 21 февраля 1945 г., однако схожие с ними мысли будут возникать на страницах дневника вплоть до смерти его автора. Так, например, 23 февраля 1990 г. он запишет: «Учёные, мыслящие и порядочные люди (в любой образованности, не в ней дело!) прошлого века в России видели реальную жизнь и без особого труда в ней разбирались. Видели реальный мир, потому что верили в Бога. Когда общими усилиями самих учёных и прогрессивных (так они сами себя считали) Бог

был упразднён, то и вера в реальный мир слиняла. Реалии стали неустойчивыми, вызывающими сомнения, не интересными» (т. 2, с. 1150). Естественно, эти воззрения прямо противоречили как официальному советскому марксистскому канону, так и прочим интерпретациям философии К. Маркса. Кстати, любопытно отметить, что сам С. С. Дмитриев формально себя верующим человеком не называл, более того, в минуту отчаяния мог написать о себе: «Религии, веры — нет» (т. 1, с. 132). Однако все его философские размышления и высказывания, фиксируемые в дневниках частые посещения храмов, отправления церковных обрядов (преимущественно, впрочем, у него упоминаются отпевания умерших родителей и родственников, но есть и запись о крещении своего внебрачного сына, см.: Т. 2, с. 143), повышенное внимание к религиозным праздникам говорят о нем как о человеке религиозном.

Сам марксизм как система философских воззрений крайне редко находит отражение на страницах дневника, но каждое такое упоминание весьма красноречиво. Так, 31 марта 1956 г. С. С. Дмитриев записал: «Бесспорно одно — марксизм есть только руководство к действию: как теория он полностью провалился. Нет, пожалуй, ни одного теоретического положения Маркса и прочих основоположников, которое не было бы отвергнуто жизнью и “марксизмом” после Маркса» (т. 1, с. 761). Это свое утверждение о марксизме как учении, представляющем лишь историографический интерес, явление XIX в., которое должно остаться в своем прошлом, он повторил в 1967 (т. 2, с. 142) и 1990 гг. (т. 2, с. 1138–1139). Подчеркивал он и то, что В. И. Ленин и И. В. Сталин не являлись историками (т. 1, с. 59). Вполне логично, что после этого С. С. Дмитриев сетовал на некритичное восприятие работ В. И. Ленина, утверждал необходимость отказаться от «канонизации» его трудов и их изучении в контексте того времени, когда они были написаны (т. 2, с. 188–189, 404).

Наконец, дневники полны яростной, страстной критики советского государственного строя. Любой открывший это издание и «пробежавший глазами» по его страницам без каких-либо затруднений ощутит весь накал оппозиционных настроений дайариста. Советская власть, по мнению С. С. Дмитриева, низвела людей до животного состояния, растоптала и уничтожила культурную жизнь в стране, установила под видом демократии жесточайший диктаторский режим, а «уничтожение эксплуататоров повело

не к исчезновению эксплуатации, а к ее усилению в отношении значительно больших масс населения, нежели составляли эксплуатируемые в “проклятом” старом обществе» (т. 1, с. 240–241). Народ для такой власти — «навоз, удобрение для мечты о будущем» (т. 1, с. 240). В 1990 г., рассуждая над газетной статьей П. В. Волобуева, он, обратив внимание на термин «социалистический эксперимент», использовал его для описания всего советского периода истории, причем с нескрываемыми негативными коннотациями (т. 2, с. 1165). С 1956 г. на страницы дневника попадает термин «тоталитаризм», сначала как деталь пересказа чужих текстов, а затем уже и как собственная характеристика государственного строя СССР и стран социалистического лагеря (т. 1, с. 780, 971; т. 2, с. 407–409, 512, 513, 528, 630, 648, 1036, 1150, 1153, 1275). 4 мая 1958 г., после наблюдения за непоследовательными и противоречивыми попытками власти объяснить роль и значение фигуры И. В. Сталина для пройденного страной этапа истории, С. С. Дмитриев пишет: «Не Сталин создал порядок и режим, а порядок и режим породили Сталина» (т. 1, с. 1028). Нелюбовь историка к советскому строю столь сильна, что даже глава Испании Ф. Франко удостоился в его записях пусть и несколько сдержанного, но комплиментарного некролога — как человек, не давший своей стране пойти по социалистическому пути развития (т. 2, с. 385–386).

**Адаптация к враждебной среде:
«...я не думаю двигать своей диссертацией
науку вперед»**

И в то же самое время С. С. Дмитриев воспринимался как довольно известный советский историк, в центре внимания которого находилось движение славянофилов, вместе с М. Н. Тихомировым создавший учебник по истории СССР для непрофильных факультетов вузов [см., напр.: Рудницкая, 2001]. Естественно, все его работы не могли увидеть свет, если бы у их издателей и органов цензуры были бы какие-либо сомнения в их принадлежности к общепринятому советскому марксистскому канону.

Для многих творцов необходимость скрывать свои истинные воззрения, подстраиваться под требования цензуры, ощущалась крайне болезненно. Так, в мемуарах А. А. Зимина «Храм науки» их автор дал следующую жесткую характеристику собственному творческому пути, укоряя себя за проявленный конформизм: «И окажется, что некогда жил такой вульгарный я — глупый

социолог, бездарный слуга своих господ, чело-веконенавистник, оплевавший добрых людей (своих предшественников и собратьев), подхалимствовавший перед сильными мира сего. [...] И вообще жил ли он? Ведь под его “творениями” могла стоять подпись любого другого историка или младшего научного и т. п., ибо его штудии — продукт машинной истории»⁵. Нормой вещей для многих стали достаточно рискованные манипуляции, предпринимаемые ради того, чтобы обойти цензуру, пропустить в печати идеи, отличные от официальной идеологии, либо не менее сложные попытки вписать их в официальный канон⁶. Историограф В. М. Бухараев ставил вопрос о существовании целого феномена «замещенного познания», то есть существования в научных текстах некоего «скрытого» от глаз цензоров, «замаскированного» текста, того, что в повседневной речи получило название «эзопового языка» [Бухараев, Жигунин, 1996; Бухараев, 2002].

Одна из странностей дневника С. С. Дмитриева заключается в том, что он весьма мало внимания уделял разнице между тем, что он был вынужден писать и публиковать, и тем, как он на самом деле воспринимал изучаемую им историческую действительность. В его многочисленных записях мы не найдем сожалений о написанном или сказанном им в аудитории (в том числе и произнесенном в ходе антикосмополитических кампаний), не озвучивал он идей переписать свои старые тексты в условиях смен идеологического курса или ослабления цензуры (напомним, он был современником оттепели и перестройки), почти никогда (за редкими исключениями, о которых пойдет речь ниже) не посещали его мысли о том, как можно было бы обойти существующие цензурные запреты, нет упоминаний и о работах, созданных «в стол».

Самым простым и очевидным ответом было бы указание на стремление оградить себя от возможных неприятностей. Здесь, пожалуй, особых комментариев не требуется — достаточно посмотреть на цитаты выше и вспомнить годы жизни ученого. Ученый, напомним, предпочел уничтожить

⁵ Зимин А. А. Храм науки (размышления о прожитом) // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорoshkevich. М., 2015. С. 383.

⁶ Пожалуй, наиболее полное и обстоятельное описание таких практик дал в одном из своих публицистических текстов археолог Л. С. Клейн (См.: Клейн Л. С. Остроумцы и церберы // Клейн Л. С. Муки науки: ученый и власть, ученый и деньги, ученый и мораль. М., 2017. С. 15–27).

часть своих записей собственноручно. Его научный руководитель в аспирантуре С. С. Мильман был арестован и затем расстрелян по доносу своего сокамерника за несколько месяцев до предполагаемого освобождения (впрочем, С. С. Дмитриев о судьбе учителя после ареста, судя по дневнику, не знал)⁷. Мотив для умолчаний о попытках обойти цензуру значимый, но само наличие критических высказываний заставляет в нем усомниться.

Может быть, историк не желал предстать перед потенциальным читателем (потомками, родственниками, будущими историками) в невыгодном свете — как лжец, внутренний враг, вредитель? Но выше уже говорилось о неопределенности адресата текста. Обрисованное противоречие между весьма конформным профессиональным поведением и истинными воззрениями автора дневника было слишком очевидно, если бы он действительно желал его скрыть, записи носили бы совсем иной характер.

Тогда остается лишь предположить, что это умолчание является своего рода защитной реакцией сознания ученого. Рефлексии о собственной неискренности были бы слишком неприятны для автора, который и без того временами впадал в депрессию.

Стоит обратить внимание на мотивацию, представления С. С. Дмитриева о своей трудовой деятельности. В 1940 г. он защитил кандидатскую диссертацию и, судя по всему, почти сразу же задумался о работе над докторской. Жизнь в эвакуации не способствовала реализации этого намерения, однако 10 марта 1944 г., через шесть месяцев после возвращения в Москву, историк набросал ее черновой план (т. 1, с. 68). 19 июня того же года план утвердили на ученом совете Института истории АН СССР (т. 1, с. 70). Однако далее работа над диссертацией двигалась слишком медленно и проект был заброшен (т. 1, с. 85, 97). В 1949 г. историк вновь, уже всерьез, возвращается к своим прежним намерениям. 8 июля 1949 г. после намеченных им трех вариантов тем для работы, С. С. Дмитриев писал: «Или взять какую-нибудь обозримую, конкретную не идеологизированную тему и быстро её сварганить? А написать нужно во 1) чтобы самолюбие и честолюбие не страдали; 2) чтобы стать под старость профессором и док-

тором. В науку “диссертационную” и “университетскую” веры нет. Там наукообразная умственная проституция. И я не думаю двигать своей диссертацией науку вперед. Разве времена изменятся. Но ведь пока перемены-то ждешь, отупеешь и постареешь» (т. 1, с. 196).

Пожалуй, это наиболее важное для понимания отношения С. С. Дмитриева к своей научной работе высказывание. Первое предложение в процитированном фрагменте может трактоваться как выражение стремления обойти цензуру, найти возможность для озвучивания хотя бы части своих мыслей и идей. Однако завершение фразы — «быстро ее сварганить» — свидетельствует уже о том, что автора волнует не столько результат, сколько возможность оптимизировать, сократить свои усилия. Объясняя, зачем ему нужна докторская диссертация, дайрист сразу же настраивается на прагматичный лад — речь не идет о поиске истины, самовыражении и уж тем более развитии науки, его волнует лишь обретение нового социального статуса.

Уже в ноябре 1949 г. С. С. Дмитриев формулирует следующую тему диссертации: «Очерки по истории сельскохозяйственной науки и техники в России (XVIII — первая половина XIX в.)» (т. 1, с. 208). Кандидатская диссертация его, напомним, была посвящена экономическим взглядам славянофилов. Рассматриваемые им ранее темы докторской диссертации также были далеки от подобного объекта изучения и касались либо характеристики воззрений славянофилов в целом, либо истории общественных наук. Видимо, ученый полагал, что это и может стать той самой деидеологизированной темой, к которой у его коллег и цензоров не будет возникать слишком много вопросов.

С. С. Дмитриев осознавал, сколь крутой поворот он проделывал в своих исследовательских изысканиях, поэтому потратил немало усилий для его обоснования на страницах дневника. Однако в своих рассуждениях он не упоминает ни о каком-либо личном интересе, ни о предполагаемых методологических подходах к теме или выдвигаемых гипотезах. Вопросы, которыми он задавался, носили исключительно прагматический характер: достаточно ли у него будет источников и литературы, понадобятся ли консультации специалистов и как их получить (т. 1, с. 209)... Вскоре он весьма активно начинает сбор необходимого источникового материала для работы (т. 1, с. 210, 268, 277–278, 699 и др.). Однако, несмотря на то, что темой этой он занимался много лет (см.: т. 1, с. 699, 709,

⁷ См.: Несчастливая судьба столичного профессора С. С. Мильмана / предисл., подг. к публ. М. А. Базанов. URL: <https://archive74.ru/news/neschastlivaya-sudba-stolichnogo-professora-s-s-milmana> (последнее обращение — 17.05.2025).

732, 1004, 1082, 1085; т. 2, с. 61 и др.), докторская диссертация им завершена не была.

Здесь, отметим, уместно провести еще одну параллель с уже цитировавшимся выше А. А. Зиминим. Его историософские воззрения также были весьма далеки от официального марксистского канона, равно как и от разного рода попыток его обновления [см., напр.: Базанов, 2014, с. 159–171]. Однако А. А. Зимин считал сутью работы историка воскрешение мертвых⁸, все его мемуары проникнуты религиозными категориями культа, поиском высшей Истины, служению науке (о чем свидетельствует даже само их название). Всё это — несмотря на обилие критических замечаний в адрес научной среды и понимание невозможности полной самореализации в условиях того времени. С. С. Дмитриев же, будучи человеком религиозным, никогда не переносил, не применял подобных категорий для описания своих профессиональных занятий. Создание научного текста для него — деятельность скорее техническая, вызванная внешними раздражителями и прагматическими потребностями, чем творческая, порожденная внутренними запросами.

При этом ученый преображался, когда писал о своей непосредственной работе с архивным материалом. Он непременно отмечал прекрасный стиль записей изучаемой им персоны, ее культурный кругозор, интеллект, искренне радовался находкам нового источникового материала (т. 1, с. 74, 210, 230–232, 268 и др.). Историк с восхищением делился деликатными подробностями из дневников Ю. Ф. Чинова, демонстрируя, сколь откровенны, а потому ценны найденные им документы (т. 1, с. 82). 29 февраля 1956 г. во время работы в читальном зале Московского областного исторического архива С. С. Дмитриев упал в обморок за изучением дела об убийстве почвовед Я. А. Линовского. Как он сам пишет, «усталость, духота в читальном зале и кровавые подробности убийства Линовского так подействовали, что я, сидя за столом, почувствовал себя плохо и на мгновение потерял сознание» (т. 1, с. 738). Оправившись, он «продолжал еще с полчаса читать это дело» (там же). Непосредственное взаимодействие с источником, ощущение общения с давно умершими людьми, соприкосновение с самой исторической реальностью — вот то, что привлекало С. С. Дмитриева в его профессиональной деятельности. По-видимому, это позволяло ему окунуться в интеллектуальный мир

тех, среди кого он действительно желал бы прожить свою жизнь. А вот поделиться с окружающими результатами этого взаимодействия он уже и не мог, и не желал.

Полагаем, именно это отсутствие внутренней мотивации, а не только отмечаемое Е. И. Мухиной «явное насилие над собой [имеется в виду резкая смена темы научных изысканий. — М. Б.] и склонность к сибаритству» (т. 1, с. 15) было основной причиной малочисленности его научных работ, что внешне сильно контрастировало с наблюдаемым современниками недюжинным интеллектуальным потенциалом историка.

Д. П. Исаев, основываясь на дневнике, обратил внимание на обилие у ученого профессиональной нагрузки, напрямую не связанной с созданием текстов собственных статей и монографий [Исаев, 2024, с. 30]. В этом с ним вполне можно согласиться: С. С. Дмитриев читал лекции, руководил работой студентов и аспирантов, оппонировал на защитах диссертаций, работал в редколлегиях научных изданий (среди которых журнал «История СССР»), многое сделал для издания наследия классиков исторической науки и своих коллег-современников. Вероятно, такая «техническая» работа давала выход его потребности в профессиональной самореализации без опасности дезавуировать свои собственные взгляды и лишиться раз демонстрировать лояльность власти.

Интеллектуальный «сибаритизм» как форма эскапизма

Необходимо остановиться на уже упоминавшемся выше «сибаритстве» ученого. Нет никаких сомнений в том, что С. С. Дмитриев ценил и стремился к физическому комфорту. Так, в первые месяцы войны он сильно тяготился несением дежурств и при первой же возможности подал начальнику ПВО заявление об освобождении его от этих обязанностей (т. 1, с. 32), а оказавшись в эвакуации, весьма эмоционально жаловался на дороговизну услуг местных домработниц (т. 1, с. 41). Когда вместо обещанной трехкомнатной квартиры руководство МГУ решило предоставить ему двухкомнатную, историк устроил громкий скандал и потратил немало усилий и времени, чтобы получить желаемую жилплощадь, задействуя все свои связи и пустив в ход все свои способности к манипуляции окружающими (см.: т. 1, с. 492–501). Нормой для него было получать от своих студентов и аспирантов многочисленные подарки, часто дорогостоящие, причем он мог вполне откровенно выразить оби-

⁸Зимин А. А. Указ. соч. С. 38, 59.

ду на тех, чей подарок его не устроил (т. 1, с. 110, 155, 158–259, 535, 554–555, 593, 651, 673 и др.).

Однако, судя по записям, гораздо больше времени и сил, чем забота о своем материальном благополучии, занимали у него увлечения иного, интеллектуального рода. С. С. Дмитриев был ценителем искусства во многих его видах, будь то художественная литература, кинематограф, живопись или театр. По его собственным подсчетам, за 1985–1986 гг. он посетил 107 спектаклей (т. 2, с. 797, 836). Дневник пестрит замечаниями и отзывами на прочитанное, прослушанное, просмотренное.

Интересно отметить, что, несмотря на весь свой консервативный идеологический настрой, С. С. Дмитриев был открыт для новых зарубежных авангардных течений, вызывающих у него неприкрытое восхищение. Попав в январе 1956 г. на оперу «Порги и Бесс» Дж. Гершвина и высоко ее оценив, ученый заявил: «Основная идея оперы — музыка. Она у Гершвина в опере современная, она само дыхание современности американской. Наши же оперы [...] просто упражнение на основе запоздалого эпигонства под мелос классиков оперного жанра, прежде всего русского. [...] Подражать им в середине XX века — значит не слышать голоса современности, мелоса нашей жизни» (т. 1, с. 723). Восторженной оценки у него заслужили П. Пикассо (т. 1, с. 843, 847, 913, 919; т. 2, с. 277), С. Беккет (т. 2, с. 906, 907, 909, 921, 940), Э. Ионеско (т. 2, с. 927, 1266, 1267), А. Камю (т. 2, с. 1016, 1095), Ф. Феллини (т. 1, с. 823, 1234, 1235; т. 2, с. 893), Л. Бунюэль (т. 2, с. 926). Автор статьи сознательно перечисляет в этом ряду представителей разного рода искусства — художников, писателей, режиссеров — как для того, чтобы продемонстрировать культурный кругозор историка, так и для того, чтобы подчеркнуть, что его тяга к современному искусству носила осознанный, а не спонтанный, ограничивающийся единичными случаями характер. В этом, кстати, одно из отличий консерватора С. С. Дмитриева от современных «почвенников», как правило, отрицающих ценность западного авангарда.

Наконец, не менее внимательно ученый следил и за политической жизнью страны. Он живо комментировал выходящие в печати публикации, подробно и обстоятельно реагировал даже на не самые значительные выступления советских руководителей и их зарубежных коллег. Более того, С. С. Дмитриев тщательно фиксировал все дошедшие до него слухи. От простой фиксации он мог перейти и к их анализу, высказывал

соображения об их достоверности, иногда возвращался к ранее написанному, чтобы сверить свои ожидания с реальностью. Эта особенность делает дневники С. С. Дмитриева ценным источником не только для историографов, но и для широкого круга исследователей советского общества⁹. Кстати, в издание вошли и тексты самиздатовских материалов, приложенные ученым к дневнику. Правда, значительная их часть представляет собой анонимные пародии на именитых советских авторов (см. напр.: т. 2, с. 122–124).

Можно ли сбежать от «генеральной линии»?

Как уже отмечалось выше, расхождения с официальной советской идеологией у С. С. Дмитриева были слишком радикальными для того, чтобы он попытался воспользоваться каким-либо из многочисленных разворотов «генеральной линии» партии, которых на время его жизни пришлось немало. Однако одна такая попытка всё же в дневнике осталась зафиксированной. В 1945 г. С. С. Дмитриев написал статью «О национальной гордости русского народа Советского Союза». Послевоенные годы как раз были временем расцвета «руссоцентрических» настроений [См., напр.: Бранденбергер, 2017, с. 204–274], и консервативный взгляд сочувствовавшего славянофилам историка оказался бы к месту. Размышляя над созданным, он заявлял: «Советы — это наша русская форма власти, имеющая значение мировое, а не только национальное» (т. 1, с. 113). Этот тезис подходил на роль возможного интеллектуального компромисса с не слишком симпатичной ему действительностью. Историк был убежден, что будущее страны невозможно без культивирования русского национального сознания, причем, по его мнению, «русский народ это и есть прежде всего советский народ». Однако обращение советской элиты к националистическим идеям в те годы имело свои границы, а потому статью С. С. Дмитриева журналы в итоге отвергли (т. 1, с. 110, 112–113). Собственно, большую вероятность такого исхода предполагал и сам дайарист, отмечавший «смелость» своих рассуждений.

Вскоре он стал одним из объектов проработок в ходе антикосмополитической кампании (хотя, к его счастью, не вошел в число центральных фигур, по которым нанесут удар) [См.: Тихонов,

⁹ Так, например, высоко были оценены его записи, касавшиеся реакции преподавателей и студентов МГУ на Венгерское восстание 1956 года [См.: Стыкалин, 2012; 2016, с. 351–258].

2016, с. 124, 140, 209–211, 245]. Находясь под явным психологическим давлением, он, несмотря на критическое отношение к происходящему, просматривал всё написанное им ранее, убеждая самого себя в отсутствии у него «космополитизма», бросил фразу, совершенно немислимую для человека с его убеждениями: «От влияния русских буржуазных либеральных историков нужно избавиться, и чем решительнее, тем лучше» (т. 1, с. 172). Затем он сам же начал рассуждать о «чистке» общества от «чуждых, враждебных, разложившихся людей и людишек» (там же). При этом историк, впрочем, делал в рассуждениях упор на морально-этических качествах таких «людишек», а не на их политических убеждениях. Завершилась эта ситуация тем, что С. С. Дмитриев обвинил в напаках на него... «космополитов», которые якобы таким образом старались отвести удар от себя. Характерно, что речь шла не о некоей абстрактной массе: ученый перечислял конкретные имена тех, кого он отнес к своим врагам, при этом все они были евреями (т. 1, с. 176)¹⁰.

«Оттепель», как уже отмечалось выше, была оценена им как нечто непоследовательное и не несущее с собой реальной свободы. Более того, тех, кто так или иначе оказался затронут новыми интеллектуальными веяниями (писатель В. Д. Дудинцев, историк Э. Н. Бурджалов), С. С. Дмитриев считал «ловкими приспособленцами», руководствующимися в своих действиях лишь карьерными, своекорыстными интересами (т. 1, с. 827, 838). Сочувствия эти люди у него не вызывали, тем более что с некоторыми из них его связывали конфликтные отношения со времен антикосмополитической кампании.

Перестройка тоже не внесла ничего существенного в отношения С. С. Дмитриева с окружающей научной средой или цензурой. Кроме того, возраст уже серьезно давал о себе знать, и описания неприятных медицинских процедур, наблюдения за показаниями здоровья, многочисленные некрологи коллегам встречаются значительно чаще, чем рассуждения об очередном съезде или чем-либо выступлении в печати. Эта апатия и отстраненность (впрочем, относительная) помешали попыт-

¹⁰ Отметим, что антисемитом в чистом виде С. С. Дмитриев не являлся, об антисемитизме неоднократно высказывался отрицательно, в числе его близких друзей был, например, историк Н. Л. Рубинштейн и его многочисленная и успешная в научном плане родня, однако негативное отношение к еврейской нации периодически проступает на страницах его дневника.

кам нащупать компромисс к возможным акциям примирения.

Заключение: творческое бесплодие как расплата

Несомненно, как и всякие другие эго-документы, дневник С. С. Дмитриева содержит массу информации о мелких бытовых деталях, характеризует повседневное существование сообщества советских историков, зачастую с весьма неожиданной стороны. Так, например, общеизвестен факт, что медиевист Н. П. Грацианский был убит неизвестными по пути на свою дачу. В дневнике С. С. Дмитриева же можно найти любопытную деталь — декан истфака МГУ Г. А. Новицкий сообщил ему, что подозреваемыми по делу проходили два аспиранта, «чуть ли не его [Н. П. Грацианского. — М. Б.] ученики» (т. 1, с. 121). В октябре 1956 г. был арестован заведующий издательством МГУ Н. Д. Зальцман. К политическим делам этот арест не имел никакого отношения — его обвинили в вымогательстве взяток и воровстве. С. С. Дмитриев отметил, что сразу же после ареста Н. Д. Зальцмана «несколько преподавателей и профессоров филологического факультета заявили, что они давали взятки в целях обеспечения быстрее печатания их работ в издательстве МГУ» (т. 1, с. 694). В итоге суд приговорил задержанного к 12 годам тюремного заключения (т. 1, с. 731). Или, например, такой яркий штрих к портрету академика Б. А. Рыбакова: прочитав в 1980 г. статью С. М. Каштанова об А. А. Зимине (учителе С. М. Каштанова), он негодовал, не обнаружив в ней критики в адрес идей покойного о позднейшем происхождении «Слова о полку Игореве» (т. 2, с. 608).

Всё это — лишь малая часть того, что еще могут извлечь историографы из этого поистине гигантского по своему охвату источника. Увы, ограниченность рамками одной статьи побуждает автора остановиться. Он хорошо осознает, что созданный им портрет С. С. Дмитриева далек от полноценности и завершенности, страдает определенной однобокостью. Так, например, ему явно не хватает динамики, созданный образ заметно статичен. Оставил автор в стороне и сложные семейно-родственные отношения ученого, а это ближайшее окружение много значило для рассматриваемой персоны. Однако основные черты образа ученого, смею надеяться, всё же прослеживаются.

Мы видим человека с серьезным внутренним расколом, диссонансом: находясь в жесткой интел-

лектуальной оппозиции окружающей его идеологической среде, он в то же время весьма комфортно встроился в существующую научную иерархию. Не имея возможности открыто декларировать свои историософские убеждения, он всё чаще и чаще обращается к тем видам научной работы, которые не предполагают полной творческой самореализации, носят более формализованный, «технический» характер (чтение учебных курсов, рецензирование рукописей и диссертаций, не предполагавшие дальнейшую публикацию отзывы, редактирование и публикация текстов предшественников и коллег-современников, составление библиографических списков и справочников). Вполне реальная опасность подвергнуться политическому преследованию и упорное нежелание лишиться столь ценного им материального комфорта парализовали устремления вырваться из привычной колеи. Интенсивная культурная

жизнь (посещение спектаклей и художественных выставок, чтение художественной литературы), ведение дневника, где можно было относительно открыто высказывать свои мысли, оказывали анестезирующее действие, помогая смириться со сложившимся порядком вещей. Своего рода расплатой за это стало творческое бесплодие: несмотря на весь свой интеллектуальный потенциал и доступ к необходимым ресурсам (административным, финансовым, людским), С. С. Дмитриев за свою жизнь так и не смог создать фундаментального исследования, оставшись одним из историков второго плана в советской исторической науке. Полагаем, в этом заключается вся драма его судьбы, даже в том случае, что сам он не был склонен к самокритике подобного рода и провел свои последние годы в комфорте и достатке...

Список литературы

1. Базанов М. А. Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки. : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2014. 284 с.
2. Бранденбергер Д. Л. Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). М. : Политическая энциклопедия, 2017. 407 с.
3. Бухараев В. М. Оружие «слабых»: замещенное историческое познание в условиях советской идеократии // Историк на пути к открытому обществу : материалы всероссийской научной конференции. Омск, 2002. С. 32–34.
4. Бухараев В. М., Жигунин В. Д. «Замещенное» познание: историческая мысль против моноидеологии (60–80-е годы XX в.) // Россия в XX веке: судьба исторической науки. М., 1996. С. 552–563.
5. Исаев Д. П. К изучению повседневности советского историка (на примере С. С. Дмитриева) // Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 105-летию со дня рождения выдающегося российского ученого) : материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции / под общ. ред. М. Н. Крота, Н. А. Мининкова, О. О. Завьяловой. Ростов н/Д. ; Таганрог, 2024. С. 27–35.
6. Рудницкая Е. Л. Профессор С. С. Дмитриев — историк русского общества // Отечественная история. 2001. № 1. С. 168–174.
7. Стыкалин А. С. «О делах несчастной Венгрии лучше не писать...»: Венгерские события 1956 года в откликах российского историка С. С. Дмитриева // Историк и мир — мир историка в России и Центрально-Восточной Европе. Будапешт, 2012. С. 215–227.
8. Стыкалин А. С. Венгерский кризис 1956 года в исторической перспективе. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 720 с.
9. Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. 242 с.

References

1. Bazanov MA. *Aleksandr Aleksandrovich Zimin: biografija istorika v kontekste razvitija otechestvennoj nauki* = *Alexander Alexandrovich Zimin: biography of the historian in the context of the development of Russian science. Thesis*. Chelyabinsk; 2014. 284 p. (In Russ.).
2. Brandenberger DL. *Stalinskij russocentrizm: sovjetskaja massovaja kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznanija (1931–1956)* = *Stalin's Russocentrism: Soviet Mass Culture and the Formation of Russian National Self-Consciousness (1931–1956)*. Moscow; 2017. 407 p. (In Russ.).

3. Buharaev VM. Weapons of the “weak”: substituted historical knowledge under the Soviet ideocracy. *Istoriik na puti k otkrytomu obshhestvu. Materialy vsrossijskoj nauchnoj konferencii = Historian on the Way to Open Society. Materials of the All-Russian Scientific Conference*. Omsk; 2002. Pp. 32–34. (In Russ.).
4. Buharaev VM, Zhigunin VD. “Substituted” cognition: historical thought against mono-ideology (the 1960–80s). *Rossija v XX veke: sud’ba istoricheskoi nauki = Russia in the 20th century: the fate of historical science*. Moscow; 1996. Pp. 552–563. (In Russ.).
5. Isaev DP. Toward the study of everyday life of a Soviet historian (on the example of S. S. Dmitriev). *Nauchnoe nasledie professora A. P. Pronshtejna i aktual’nye problemy istoricheskoi nauki (k 105-letiju so dnja rozhdenija vydajushhegosja rossijskogo uchenogo): materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferencii = Scientific heritage of Prof. A. P. Pronstein and actual problems of historical science (to the 105th anniversary of the outstanding Russian scientist): materials of the All-Russian (with international participation) scientific-practical conference*. Rostov on Don; Taganrog, 2024. Pp. 27–35. (In Russ.)
6. Rudnickaja EL. Prof. S. S. Dmitriev — historian of Russian society. *Otechestvennaja istorija = Domestic History*. 2001;(1):168-174. (In Russ.).
7. Stykalin AS. “It is better not to write about the affairs of unhappy Hungary...”: *Hungarian events of 1956 in the responses of Russian historian S. S. Dmitriev. Istorik i mir — mir istorika v Rossii i Central’no-Vostochnoj Evrope = The Historian and the World — The Historian’s World in Russia and Central-Eastern Europe*. Budapesht; 2012. Pp. 215–227. (In Russ.).
8. Stykalin AS. *Vengerskij krizis 1956 goda v istoricheskoi perspektive = The Hungarian Crisis of 1956 in Historical Perspective*. Moscow, Dmitrij Pozharskiy university; 2016. 720 p. (In Russ.).
9. Tihonov VV. *Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaja istoricheskaja nauka (seredina 1940-h — 1953 g.) = Ideological Campaigns of “Late Stalinism” and Soviet Historical Science (mid-1940s — 1953)*. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istorija; 2016. 242 p. (In Russ.)

Информация об авторе

М. А. Базанов — кандидат исторических наук, главный археограф отдела публикации и научного использования документов.

Information about the author

M. A. Bazanov — Candidate of Historical Sciences, Chief Archeographer of the Department of Publication and Scientific Use of Documents.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.   The author declares no conflicts of interests.